

ЭО, 2016 г., № 3

© М.Ю. Барбашин

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ ЭТНИЧНОСТИ

Ключевые слова: Этничность, неоинституционализм, этнос, институты, идентичность

В статье анализируется методологическая специфика применения институционального подхода в исследованиях этничности. Автор подчеркивает, что институциональный анализ позволяет перейти от изучения истории развития этногруппы к исследованию структуры этого развития. Применение институционального подхода позволяет в новом ракурсе рассмотреть многие классические проблемы современной этнологии, включая воспроизводство этничности, межэтнические конфликты, формирование субэтнических групп, вопросы развития современных этносов. Связывая изучение этничности с исследованиями поведения индивидов в институциональном пространстве группы, автор подчеркивает, что этнология должна стать институциональной наукой и активнее использовать методологический потенциал неоинституционализма.

I. Неоинституционализм в исследованиях этничности

В современных исследованиях этничности методологические положения неоинституционализма применяются довольно редко, хотя в последнее время в этой области появился ряд интересных работ¹. Представленная статья является попыткой обобщить отдельные концепции, затрагивающие сферу взаимного влияния этничности, институтов (*Kyriacou* 2001) и социального выбора (*Laitin* 2006) в виде целостной теории с учетом прежних этноинституциональных исследований автора (*Барбашин* 2014б: 341–348).

Институциональный подход основан на наблюдении за социальным поведением. Понять социальный процесс – значит определить ключевые правила, которыми руководствуются индивиды, совершая социальные действия, ассоциируемые с этим процессом или явлением. Это не означает, что институты предопределяют бихевиоральные реакции. Но во многих социальных ситуациях доминирующим правилам следует большинство индивидов. Зная закономерности развития институциональных паттернов, можно описать социальные процессы формирования идентичности.

Максим Юрьевич Барбашин – д. соц. н., в. н. с. Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН (ИСЭГИ ЮНЦ РАН) (г. Ростов-на-Дону); e-mail: barbm@yandex.ru. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ №13-06-00834 “Социо-культурная динамика воспроизводства этноидентичностей в локальных сообществах: социальная диагностика и институциональное моделирование” (2013–2015) и № 16-36-60008 “Идентичность в этносоциальном пространстве: игровые симуляции и моделирование полиморфных институциональных интеракций” (2016–2018).

Основная сложность анализа институциональных процессов заключается в их рекурсивной природе: из норм поведения можно вывести предполагаемые действия социальных агентов, которые следуют, подчиняются институтам или нарушают их, но неочевидна возможность реконструктивного анализа.

Одним из методологических вариантов решения проблемы таргетирования ключевых правил является институциональное моделирование (*Ostrom 2011*). Из всего массива дескриптивной информации выделяются основные поведенческие мотивы или “скрипты” (*Schank, Abelson 1977*), социальные нормы, регулирующие интеракции, и санкционированные действия в рамках выбранных социальными агентами институциональных стратегий и структуры ситуации, с которой они сталкиваются.

Исходя из экономических, политических, культурных и природных условий среды разрабатываются оптимальные правила социального взаимодействия. Эффективность институциональной модели эмпирически проверяется в партикулярном социальном контексте: неинституционалисты имплементируют новые правила, регистрируют возникающие в сообществе трансформации и вносят необходимые коррективы в имплементируемый институциональный инженеринг.

Иногда в институциональных исследованиях используются лабораторные эксперименты (*Janssen et al. 2010*): таргетированные нормы поведения актуализируются в социальных дилеммах как конфликтного, так и кооперативного характера в рамках определенных когнитивных и информационных параметров взаимодействия сторон. После анализа результатов игровых взаимодействий² исследователи делают вывод относительно допустимости выбранной институциональной модели для изучения социального поведения.

С точки зрения неинституционализма, в формировании идентичности значение имеет не столько целеполагание и рациональность “всеведущих” индивидов (например, этноэлит), как это полагают сторонники инструментализма и конструктивизма (*Тишков 2001*), или имманентные характеристики социальных агентов, как подчеркивают исследователи, работающие в рамках примордиализма (*Berghe 1981*), сколько институциональный дизайн социальной среды. В разнообразии правил институциональный анализ позволяет обнаружить бихевиоральные схожести: большая часть этносоциальных процессов обусловлена соответствующими свойствами этнических институтов.

II. Институциональное воспроизводство этничности

Этноповедение предполагает рутинные поведенческие алгоритмы в виде следования традициям и обычаям. Их повседневная имплементация сопровождается перманентным пересмотром. Этот процесс называется “институциональным распадом” (*Барбашин 2013: 48–56*).

Графически развитие идентичности через институциональный распад можно представить в виде следующей схемы (Рис. 1).

Социальные институты редко формулируются с абсолютной определенностью: жесткое регулирование действий адресатов не в состоянии предусмотреть все возможные применения. Дискреционный элемент интерпретации состоит не только в необходимости саморефлективного разъяснения неясных или нечетких институциональных формулировок и положений, но и в оппортунистском желании социальных агентов использовать ситуационную специфику трактовки для получения выгоды.

В определенном смысле можно сказать, что нарушение создает норму. Зная, что общество считает девиантным, можно понять, что в нем воспринимается “нормальным” и “допустимым”. Зная, что считается “нарушением традиции”, какие и в каком объеме предусмотрены социальные санкции, можно понять, насколько устойчивы традиционные основы социума.

Институциональное воспроизводство идентичности

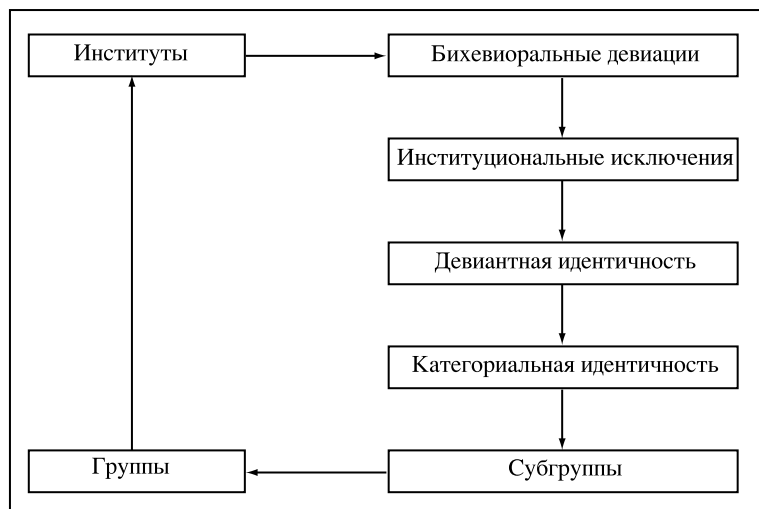

Рис. 1. Процессы институционального воспроизводства этнической идентичности (Барбашин 2014а).

Девиантизация – главный этап в формировании идентичности. Она должна вызывать общественное недовольство, преследование или критику, иначе не произойдет групповая консолидация на основе предпочтений или оправданий поступков, которые являются сомнительными или недопустимыми в рамках прежней идентификации.

Нарушители привычных норм стигматизируются социумом. Иногда они саморефлексируются как девианты. Если девиации получают локальное распространение, формируются институциональные исключения. Это – бинарные поведенческие противопоставления доминирующим нормам.

Стремясь избавиться от социальной стигмы, пересмотреть ее значение, “сбросить” риски прежнего поведения и/или “очистить” институциональное пространство от бихевиоральных “завалов” из ненужных, неэффективных и устаревших норм, индивиды формируют новую идентификацию. Структурирование новой идентичности связано с девиантизацией прежних норм поведения и одновременной дедевиантизацией институциональных исключений. По мере нормативной формализации институциональные исключения становятся новыми правилами, а социальное поведение, которое считалось девиантным, перестает восприниматься таковым.

По мнению Д. Лэйтина (Laitin 1996: 4–24), рациональное этноповедение описывается моделью “конкурентной ассимиляции”: индивиды стремятся приспособиться к этносоциальной среде (например, изучая местный язык). Исходя из инструменталистской логики и учитывая негативные последствия в случае непринятия адаптационной стратегии, родители постараются обеспечить детям среднее и высшее образование на языке соответствующей государственности (речь шла о Прибалтике), ожидая, что другие родители выберут аналогичное решение.

Хотя инструменталистская гипотеза американского политолога выглядит логичной, она не объясняет современные украинские события³. Русскоязычное население востока страны не захотело ассимилироваться: многие родители, отказавшись побуждать детей к интенсивному изучению государственного (украинского) языка⁴, приняли участие в формировании “новороссийской” идентичности, структурировавшейся вдоль границ институционального распада⁵.

Нормы поведения, которые в целом считаются “непатриотичными”⁶ на территории Западной и Центральной Украины, дедевиантизировались среди тех, кто поддерживает власть ДНР и ЛНР. Бихевиоральные девиации стали институциональной основой для структурирования новой идентификации⁷, актуализировавшейся в условиях вооруженного конфликта.

III. Институциональные особенности этничности

Идентичность характеризуется поведенческой сигнатурой. Это набор типичных институциональных паттернов и реакций на социальные ситуации, поведение в которых обусловлено идентификацией.

Если локальная общность в качестве бихевиоральной основы выбирает схожие институциональные исключения в языковой, религиозной, культурной или иной сфере, то формируется этносубгруппа.

Язык – одна из значимых сигнатур этноидентификации⁸. Использование иного языкового кода часто осознается в традиционной среде как отклонение от нормы владения родным языком или даже как религиозный грех.

Девиантность подразумевает “чужеродность” этносубгруппы, выбирающей институциональные практики, отличающиеся от институтов титульного этноса или этнобольшинства. Часто новая идентичность структурируется посредством де-девиантизации норм поведения, воспринимаемых в этносреде как нарушения общепринятой этики или “традиций предков”. Как отмечают этнологи (*Min* 2010), среди современных корейцев, многие из которых под влиянием западных религиозных практик не соблюдают конфуцианские обычаи, формируются новые субэтногруппы (например, “корейские евангелисты”). Схожие процессы в некоторых китайских сообществах структурируют новые идентификационные конгломераты из отдельных институциональных элементов евангелийского христианства и культурных традиций конфуцианства (*Smith* 2012: 188–202).

Бихевиоральные сигнатуры отделяют периферийные этносубгруппы от “основного” этноса. Исследователи (*Колсто, Малыгин* 1998) отмечают появление на окраинах бывшего Советского Союза множества периферийных общностей “нового казачества”: “казахстанские русские” (*Койше* 2007: 73–77), “петербургские эстонцы” (*Калачева* 1998: 136–174), “узбекские русские” (*Абдуллаев* 2008), “российские поляки” (*Чикадзе* 1998: 175–226), “российские ассирийцы” (*Лаво* 2009) и др.

В компактно проживающих группах титульный язык часто “замещается” местным: в среде российских немцев родной язык практически полностью переместился из сферы повседневного применения в область символической значимости (*Курске* 2011: 12), у южнороссийских поляков, чехов, греков соответствующие национальные языки почти не используются в повседневном общении (*Суций, Квициани* 2009: 15–20), в среде “русских австралийцев” русский теряет коммуникационную значимость (*Кожевникова, Колобова* 2012: 6–7), и даже в целом традиционалистски настроенные “евроченцы”⁹ постепенно утрачивают родную речь.

Если групповая дифференциация структурируется на основе расовых критериев, “популяционно-специфические” нормы идентификации и соответствующие институциональные исключения носят этнорасовый характер.

В США вплоть до середины XX в. социально-расовая дифференциация определялась в соответствии с принципом “происхождения по низшей группе” (*Williamson* 1980): достаточно “капли черной крови”, чтобы считаться афроамериканцем¹⁰. По мнению А. Дэвиса (*Davis* 1981), функциональным смыслом подобного института было рестриктирование возможных изменений в социальных позициях “белого” большинства, исторической причиной возникновения – наличие женщин-мигрантов европейского происхождения как потенциальных сексуальных партнеров, а психологической

основой – европоцентристские стереотипы необходимости защиты белых женщин от колонизированных мужчин.

Оттенок кожи определял социально-экономическое положение (афроамериканцы с более “светлой” кожей чаще назначались на административные посты), культурный, лингвистический (частотность использования в повседневных отношениях эбоникса¹¹) и даже образовательный статусы. Четкие межрасовые градации сглаживали этноразличия: многие африканские иммигранты “теряли” трайбалистскую идентичность и становились просто “черными американцами” (*Anglin, Whaley* 2006: 457–463).

Социальная имплементация правила “капли крови” стала причиной институционального конфликта в среде американских индейцев в 2007–2011 гг. Некоторые члены “Народа Чероки” на референдуме внесли изменения в местную конституцию, установив: к племени может принадлежать лишь тот, у кого в роду был хотя бы один индеец. Связывание этнопринадлежности и расового происхождения ограничило индоафроамериканцев¹² в избирательных, социальных и экономических правах¹³. Институциональный распад по этнорасовым критериям также влияет на формирование “афроизраильской” (*Плетенский* 2012) и “афромексиканской” (*González* 2010) идентичностей.

Некоторые этноинституты структурируются по линии этнорелигиозных разломов: выбор правил поведения, не соответствующих религиозным нормам, часто предопределяет формирование новой идентификации. Хотя по происхождению амиши в Северной Америке мало чем отличаются от членов других протестантских общин, переселившихся несколько столетий назад из Европы, дистинктивные поведенческие сигнатуры¹⁴ обуславливают четкую этноконфессиональную партикулярность. Продолжающийся институциональный распад формирует новые субдоминанции или секты (амиши новых правил, амиши-меннониты Бичи и др.) на основе реинтерпретаций отдельных норм поведения¹⁵.

У современных цыган институциональный распад происходит вдоль линий этнопрофессиональной самоидентификации (*Eraser* 1992): если одна группа создает музыкальные инструменты, играет на них, как правило, другая. Несмотря на условность внутриэтнического деления, каждый табор считает “истинными цыганами” только себя: даже браки между ними заключаются редко.

Иногда критерии институционального распада трансформируются. В XVIII–XX вв. важным фактором армянской самоидентификации была духовная близость к Армянской апостольской церкви, а субармянские идентичности структурировались в основном на основе девиантной религиозной принадлежности. Для таких сообществ находились особые экзотними: субэтногруппы армян – католиков назывались “франки”, “франги” или “фиренги”.

На рубеже XIX–XX вв. этноконфессиональный институциональный паттерн частично трансформировался в этноязыковой¹⁶. Для многих современных армянских групп язык не является устойчивым элементом этноидентификации: их повседневная речь “испорчена от долгой жизни вне родины”. Это донские или новонахичеванские армяне (*Тер-Саркисянц* 2000: 98–119)¹⁷, которые даже в домашнем общении в основном используют русский (не считая аккультурационных заимствований из русской кухни, архитектуры, одежды и пр.)¹⁸; черкесогаи (эрмелы, черкесские или горские армяне), в этногенезисном и языковом смешении которых приняли участие греки, армяне и адыги (*Харатьян* 1984); амшенские армяне (амшенцы), говорящие на хемшинском языке; хемшилы, которые используют языковую интерференцию турецкого, курдского и русского (*Кузнецов* 2000) и др.

Согласно этнографическим данным, в Иране проживают субэтногруппы ираноязычных армян-мусульман, которых считают частью армян-тагов. Армянская идентичность выражено присутствует только у старших поколений (которых отличают армянские имена и фамилии), молодые люди чаще отождествляют себя с иранцами (*Atabaki* 1993).

Субэтногруппы действуют в рамках единого идентификационного пространства (что не исключает возможностей экспансии и трансмиссии этничности на “пограничные” субэтноты)¹⁹. Поскольку демографическая емкость этноса в целом ограничена, то увеличение численности одного субэтноса приводит в соответствии с принципом “сообщающихся сосудов” к внутреннему “каннибализму” – уменьшению численности “смежной” субэтногруппы²⁰.

В ходе периферийной изоляции субэтногруппы лингвистически отделяются от семантического пространства “материнской” культуры и ее “морального мира”, “принудительно-добровольно забывая родной язык” (Ким 2003).

Языковая ассимиляция трансформирует этноидентичность. Утрата родного языка является основной причиной ассимиляции курдов в Турции, где в официальных переписях их называют “горными турками” (Мелконян 2011: 176–181), и ассимиляции месхетинских турок в Азербайджане (Межэтнические отношения 2001: 299–301).

Этнолингворазличия являются источником реартикуляции, рерационализации и рекодификации норм “идеального” этноповедения. Они отражают особенности межэтнической коммуникации и повседневной институциональной практики. Например, у русскоязычных мигрантов в США за последние десятилетия сформировалась новая языковая интерференция – “рунглиш” (Runglish), в котором произношение английских слов искажается на русский манер (Feuer 2005). Языковая смесь русского и английского, названная по аналогии с испано-английской (Spanglish) интерференцией, семантически редуцирует дискурсное пространство, формируя идентичность “русских американцев” (Мурадов и др. 2006: 125–130).

Конструирование новых слов, придание измененных значений и семантических отношений между объектами, использование особых грамматических средств, стилистики, синтаксиса, интонации для этнодифференцирующего маркирования создают новый образец восприятия окружающего мира, других этногрупп и социальных событий, который обладает властью “миросоздания” и “мироразрушения” (Goodman 1978).

Различия между этнолингвоинститутами являются “питательной средой” для формирования новых этноидентификаций, определяя жесткость этнограниц, очерчиванию которых способствуют институциональные интерпретации и дискурсивные практики. Индивиды, входящие в субэтнос или связанные с ним, становятся значимыми “агентами приспособления”: они реинтерпретируют прежние этноинституты в контексте новых поведенческих требований. Используя “старые” дискурсивные интерпретации, они принуждаются к осознанию собственной чуждости. Они не просто выражают другое мнение, соглашаются или не соглашаются с общепринятыми нормами. Они не компетентны в дискурсном смысле, поскольку не используют новый “язык” и не понимают новую “истину”.

IV. Этнические институты и этничность

Этничность – это набор этноинститутов, которые отражают нормативные представления об этноповедении, о том, что является допустимым и/или недопустимым для членов этногруппы. Этноинституты классифицируются следующим образом:

1. Институты границ (кто входит в состав этногруппы, кто потенциально может войти, а кто совершенно точно должен быть исключен). Институты границ отвечают за “фейс-контроль”, который осуществляет этносообщество по отношению к другим группам: степень принятия (или непринятия) потомков смешанных браков, мигрантов, переселенцев, “перебежчиков” (тех, кто в прошлом покинул “территорию предков” и/или отказался от этничности, этноязыка, религии и пр., а теперь хочет “вернуться”).

2. Институты сферы деятельности. “Допустимые” области применения активности членов этногруппы включают: этноэкономику (Снисаренко 1999: 138–155), этноспорт²¹ (Кыласов 2012), традиционные практики в этномедицине²² (Chimire, Bastakoti 2009:

2066–2072), этнофармакологии (*Al-Qura'n* 2009: 45–50), этнокосметологии²³, этнические праздники и пр.

3. Процедурные институты (общие правила социального поведения, включая этнолингвоинституты: коммуникационные правила использования языкового кода для общения между “своими” и между “своими” и “чужими”).

4. Информационные институты (правила информирования этносообщества о ключевых событиях, приемлемые когнитивные и эмоциональные реакции на них²⁴).

Существуют институциональные причины, побуждающие индивида находиться в составе этногруппы. Во-первых, очевидна институциональная слабость этничности по сравнению с другими идентификациями. Этничность позволяет индивиду нарушать, по крайней мере, некоторые нормы этноповедения, сохраняя общую лояльность к этносообществу. В профессиональной сфере несоблюдение правил приводит к очевидной депрофессионализации.

Во-вторых, этносоциализация встроена в “естественные” процессы социализации. Участие в жизнедеятельности этноса социализирует детей с минимальными издержками: обучение этноязыку происходит в процессе повседневных интеракций. Трансмиссия другой социальной идентичности более затратна: для успешной профессиональной социализации необходимо специальное образование и опыт работы.

Высокая степень трансмиссиабельности этноинститутов – это институциональное преимущество этничности по сравнению с другими идентификациями. Если трансмиссии идентичности не происходит, поскольку институты являются непонятными для новых поколений, т.е. если увеличение списочной численности группы происходит в основном за счет притока новых членов, а не за счет социализации и наследования, то идентичность не этнизируется.

Хотя формирование сленга и обычаев у субкультурных групп геттоизирует их в общественном мнении, очевидна институциональная искусственность новых социальных движений: сарматы (*Шумилова, Муртазина* 2010), джедаи (*Rossamai* 2005: 73), эмо (*Bailey* 2005) и пр. не являются этногруппами, хотя, к примеру, джедаи официально во многих странах признаны новым конфессиональным направлением, а в Великобритании, Новой Зеландии, Канаде и других странах джедаями себя считают сотни тысяч человек.

Однако у подобных идентификационных групп отсутствует институциональная связь с прошлым. Они представляют собой продукт рационального конструирования интеллектуалов (писателей, блогеров, общественных деятелей) в чистом виде. Хотя у них присутствуют основные институты (принятие в группу новых членов, приоритет общения на внутригрупповом “языке” во внутригрупповых интеракциях, мониторинг и контроль над поведением членов группы и т.д.), характерные для реальных этносов, отличительные маркеры в историческом плане “провисают” в воздухе. Невозможно определить, у какой этногруппы они были заимствованы, и нельзя установить, на каком основании и в какой момент произошла девиантизация этих институтов. Отсутствие наследуемых эстафетных паттернов, лакуны в институциональной памяти и слабость институциональной трансмиссии ставят под сомнение способность подобных групп самовоспроизводиться в кросс-генерационном измерении.

Однако возможно формирование субэтногрупп, у которых, к примеру, в доминирующую австралийскость как ключевую этноидентификацию добавятся отдельные конфессиональные и псевдоконфессиональные компоненты по линии институционального распада: буддисты, австралийские буддисты, австралийские буддисты – джедаи. Если произойдет якорение существующей этноидентичности с новыми постмодернистскими идентификациями, если сформируется конвенционально приемлемый идентификационный гибрид и его трансмиссия на протяжении нескольких поколений завершится удачно, то сформируются субэтногруппы, у которых джедаискость станет институциональным маркером.

Этногруппы не могут внезапно исчезнуть или появиться, их генезис частично сохраняет культурные, языковые и/или религиозные институциональные связи с прежними сообществами.

Этносообщество появляется, когда в реинтерпретации этнореальности возникает общественная договоренность по поводу институтов и неформализованных исключений. Этногенез завершается, когда институциональные различия между этногруппой и ее соседями в ожидаемом социализированном поведении становятся заметными для внешних наблюдателей. Этноидентичность кристаллизуется в социальных интеракциях в момент девидантизации в общественном сознании связанных с ней институциональных исключений.

V. Перспективы этноинституциональных исследований

По своей природе этнология – это институциональная наука. Говоря словами А. Гингриха (*Gingrich 2002*), невозможно ответить на фундаментальные вопросы гуманитарного исследования (что общего у людей и чем они отличаются) в отрыве от изучения вопросов поведения.

Институциональный анализ позволяет перейти от изучения истории развития этногруппы к исследованию паттернов этого развития. Однако институциональное объяснение этничности часто не укладывается в привычный для традиционных этнологов образ мыслей. Доступная эмпирика по большей части малополезна: она не собирается для проверки институциональных гипотез и редко имеется в агрегированной форме. Традиции и нормы исследуются скорее как изолированные “факты-в-себе”, чем как последовательность закономерных институциональных трансформаций. Правила поведения обычно рассматриваются как фон для этнологического исследования, а не как его основа.

Институциональный подход трансформирует привычную логику в нелинейное русло. Он показывает, что традиции, эффективные в локальной культуре, в ходе институционального распада могут трансформироваться в неоптимальные правила поведения, способствующие росту конфликтогенных процессов, а первоначальные девиантные нарушения – стать основой для новых идентичностей. “Несовершенство” этничности – это часть общего процесса “несовершенной” социальной эволюции, а неопределенность этноинституционального развития – частный случай нелинейного характера развития общественной системы. В этом мире есть место и случаю, и закономерностям. Этим и интересны институты для этнологического изучения.

Примечания

¹ Это исследования на стыке институциональной экономики и социальной антропологии (*Acheson 1994*) в области изучения высокотехнологичных отраслей (*Marrewijk 1999*), сетей этнической торговли (*Landa 1994*), распределения общественных благ (*Alesina et al. 1999*), специфики локальных рынков (*Bates 2000*), современных конфликтов (*Easterly 2001*), гражданских войн (*Montalvo, Reynal-Querol 2005*), межэтнического насилия (*Theuerkauf 2012*), экономического роста (*Alesina, La Ferrara 2005: 762–800*), экономической политики (*Easterly, Levine 1997: 1203–1250*), коррупции (*Mauro 1995: 681–712*) и пр.

² Обычно для проведения лабораторных экспериментов неинституционалисты используют вариации “дилеммы заключенного” с возможностью достижения (или недостижения) игроками “равновесия Нэша” после заранее определенного числа ходов (*Abreu, Rubinstein 1988: 1259–1282*).

³ Столь же рациональными (и неоправдавшимися) выглядят выводы тех, кто подчеркивал “... достаточно высокий уровень ассимиляции и консолидации на основе украинской идентичности как предпосылки формирования гражданской нации, когда под нацией понимается не столько этническая общность, сколько гражданская принадлежность” (*Панина 2006: 32*).

⁴ С институциональной точки зрения, обязанность изучать этноязык равносильна “вменному налогу”. Использование “неудобного” языка или нормы поведения предопределяет

неудачу в конкуренции. Для внешнего наблюдателя разница в институтах территориально и культурно близких этногрупп малозаметна, а некоторые действия могут выглядеть относительно незначительной тратой ресурсов (например, заполнение русскоязычными жителями Крыма до его присоединения к России административных справок и специальных форм на украинском языке или дополнительные уроки на украинском языке для русскоязычных школьников). Однако бесконечное множество однотипных интеракций создает стабильный перевес для титульной (украинской) группы, экономящей на транзакционных издержках за счет нетитульных (русскоязычных) сообществ. Преимущество одной из сторон можно прояснить на примере индустрии азарта: хотя математическое ожидание выигрыша казино в рулетку не превышает 1,3–5,3% в зависимости от типа ставок и специфики игры, непрерывные транзакции обеспечивают игровые заведения хорошим доходом. Внешняя “незначительность” институциональных различий провоцирует этноконфликты, поскольку в общественном сознании одной из сторон возникает иллюзия, что “несправедливые” правила можно легко поменять посредством активных действий, которые этносообществу обойдутся дешевле, чем “дополнительные” издержки. Экономически развитые страны (США, Канада, Великобритания, Испания и пр.) “компенсируют” транзакционные издержки нетитульным этногруппам бюджетным финансированием (на образование, культуру, содержание учреждений религиозного культа и пр.). Незрелые страны обычно сталкиваются с межнациональными столкновениями.

⁵ Гипотеза о возможном распаде Украины вдоль линий диссонанса институциональных паттернов была высказана мной в 2012 г. (*Барбашин* 2012: 137).

⁶ “Украинизированные” жители западных регионов обычно осуждают восточных “соседей” за “излишнюю” приверженность к использованию русского языка или смешанных языковых интерференций наподобие суржика, негативизм по отношению к “национальным героям” (историческим деятелям, которых многие жители Западной и Центральной Украины считают “героями”), одежде, символике, национально окрашенным лозунгам, праздникам и пр. Градуалистская эволюция институтов деконсолидирует общество: разные бихевиоральные стратегии, аффективные стандарты и когнитивные репрезентации этноповедения сложно свести к компромиссу. Политически оправданная конвергенция недостижима: Степан Бандера не может одновременно быть “национальным героем” для одной части страны и “предателем” – для другой.

⁷ Вопреки методологическим положениям инструментализма о значимости “этнопредпринимателей” и историко-политической идеологии в развязывании межэтнического конфликта, на востоке Украины не существовало разработанной исторической мифологии Новороссии. Руководящий состав ДНР и ЛНР представлял собой довольно хаотично организованные группы, которые сложно назвать “этноэлитой”. Не было движения “новороссийской” интеллигенции, которая, как считают сторонники инструментализма, будто бы должна получать материальные и нематериальные блага от “конструирования” новой идентичности в виде дополнительного финансирования системы образования и культуры, создания новых учебников и словарей и т.п. Основным предвестником столкновения был институциональный конфликт – конкуренция норм, регулирующих публичное поведение.

⁸ Для многих этногрупп важным символом идентичности является наличие для детей возможностей получения школьного образования на родном языке (*Власова* 2014: 158).

⁹ Это мигранты (не обязательно чеченцы по этнопринадлежности), которые в 1990–2000-х годах по политическим, экономическим и военным причинам переселились с Северного Кавказа в Евросоюз (*Мальсагов* 2009).

¹⁰ Этнорасовые правила в Бразилии являются более неопределенными (*Bourdieu, Wacquant* 1999: 41–58), что обуславливает более высокий уровень институциональной устойчивости: масштабные межрасовые конфликты маловероятны, если нет четких критериев, кто является “белым”, а кто – “черным”.

¹¹ Это афроамериканский (“негритянский”) английский с определенными фонетическими, стилистическими и грамматическими особенностями (*McCrum, Cran, MacNeil* 1992).

¹² Это потомки чернокожих рабов, переселившихся на территорию североамериканских индейцев более сотни лет назад.

¹³ Федеральные власти США предоставляют коренному населению существенные налоговые льготы, бесплатное медицинское обслуживание, возможности поступать в университеты на льготных условиях и пр.

¹⁴ Амиши стараются не использовать современные информационные технологии, предпочитают ручной труд механизированному, придерживаются принципа “социальной изоляции” в отношениях с внешним миром и пр.

¹⁵ Например, амиши меннониты-Бичи более толерантно, чем традиционные амиши, относятся к современным технологиям (использованию электричества, телефона, Интернета, фотографий и пр.) (Yoder 1987).

¹⁶ Еще одним примером являются современные греки, среди субэтнотетосов которых, в соответствии со степенью использования других лингвистических паттернов наряду с греческим языком, исследователи выделяют на постсоветском пространстве роменос, греков-урумов (Колесов 1997), черкесских (горских) греков (Колесов 2000) и др. Как и в случае с армянами, общие социальные причины трансформации паттернов институционального распада заключаются в деконфессио-нализации традиционного пространства и активизации межэтнических контактов, что повышает значимость этноязыка и соответствующих институциональных исключений.

¹⁷ А также армяне, проживающие в крупных городах России (Бредникова, Чиркадзе 1998: 227–259).

¹⁸ Существует экзоним для потомков межэтнических браков – “шуртувац гай” (“перевернутый армянин”). В России они обычно не владеют письменностью, не соблюдают обычаи, но могут носить армянские фамилии. Как отмечают респонденты- армяне, “чем дольше [они] живут, тем меньше остается армянской культуры в каждодневном быте. Армянское остается только в этикете – на свадьбах, похоронах... это очень плохо, что тут нет армянской школы, и мы не учим язык, а нет языка – нет культуры и нет народа” (Денисова 2007: 147–148).

¹⁹ В увеличении абсолютной численности и удельного веса русского этноса на Юге России особую роль играет этноидентификационный переход русскоязычных субгрупп украинцев, белорусов, немцев и др. в состав русского этноса (Суцый, Квициани 2009: 15–30).

²⁰ Например, рост субэтногруппы дигорцев, которые обладают дистинктивными традициями, лингвистическими и психологическими аспектами этноповедения, может привести к уменьшению среди осетин числа иронцев. Идентичности дигорцев, иронов и “просто” осетин нашли этноидентификационное отражение в перечне национальностей, выявленных в ходе переписей населения (Дзуцев 2003). Можно предположить, что идентифицирующие себя с осетинами “в целом” менее привязаны к этноинститутам дигорцев или ирон. И наоборот, индивид, четко указывающий иронскую идентичность, скорее всего, испытывает гордость этнокультурой и традициями именно ирон.

²¹ Традиционные спортивные дисциплины используются для сохранения “саамскости” (идентичности саами) (Pedersen 2011: 45–73), идентичности маори в Новой Зеландии (Watson 2007: 780–801) и т.д.

²² Для некоторых этногрупп характерны определенные нейropsychические, сердечно-сосудистые и онкологические заболевания. В России этносспецифические болезни чаще проявляются у якутов (Федорова 2008).

²³ Этническую косметику производят практически все лидеры косметической индустрии. Для каждого этнического типа индустрия этнокрасоты предлагает косметические линии в соответствии с нормами эстетического восприятия, толщиной и цветом кожи, структурой волос, характерными этническими прическами и макияжем, климатическими условиями проживания, режимом питания, часто употребляемыми блюдами этнической кухни и т.п.

²⁴ Члены этногруппы в ходе социализации усваивают не только правила речи, употребления пищи, пения песен, но и проявления “дистрибуций подавления” (Devereux 1968): чувства, эмоции и переживания, приемлемые в одной этнокультуре, часто выглядят неподходящими в другой.

Источники и материалы

Кожевникова, Колобова 2012 – Кожевникова А., Колобова В. Пять волн эмиграции: легко ли русским на кенгурячей земле? // Мой Кавказ. 2012. № 5. С. 6–7.

Колтсо, Мальгин 1998 – Колтсо П., Мальгин А. О крымском и приднестровском регионализме // Национальная газета. 1998. № 1.

Мальсагов 2009 – Мальсагов Т. Чеченцы по-европейски // Caucasus Times, 19 Марта 2009.

Межэтнические отношения 2001 – Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов.

Москва: Центр по изучению и разрешению конфликтов Института этнологии и антропологии РАН, 2001. Август. № 2991. С. 299–301.

Мурадов, Полоскова, Затулин 2006 – Мурадов Г.П., Полоскова Т.В., Затулин К.Р. Справочник российского соотечественника. М: Русский мир. 2006. 2-е изд. С. 125–130.

Плетенский 2012 – Плетенский В. Неполиткорректные заметки антирасиста // Исрагео (Журнал Географического общества Израила). 2012. 6 ноября.

Шумилова, Муртазина 2010 – Шумилова М., Муртазина О.В. Башкирии обнаружались современные сарматы // URL: Башинформ.рф. 19 ноября 2010 г.

Feuer 2005 – Feuer A. For the Thirsty Runglish Speaker: Try and Ized Cyawfeh // New York Times. 14 June 2005.

Kyriacou 2001 – Kyriacou A. Rationality, Ethnicity and Institutions: a Survey of Issues and Results. Paper Prepared for the 19th Annual European Association of Law and Economics Conference, 19–21 September 2001, Athens.

Научная литература

Абдуллаев 2008 – Абдуллаев Е. Русские Узбекистана – городской субэтнос: опыт социокультурного анализа // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 5(11). С. 206–214.

Барбашин 2012 – Барбашин М.Ю. Институты и этногенез: институциональное воспроизводство этнической идентичности в локальных сообществах. Ростов-на-Дону: ИПО ПИ ЮФУ, 2012.

Барбашин 2013 – Барбашин М.Ю. Современный этногенез: методологические возможности теории институционального распада // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 7. С. 48–56.

Барбашин 2014а – Барбашин М.Ю. Институты и этногенез: институциональное воспроизводство этнической идентичности в локальных сообществах. 3-е изд. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2014.

Барбашин 2014б – Барбашин М.Ю. Этническая идентичность в современном социуме: институциональный подход к социологическому исследованию // Общедагестанское единство как фактор стабильности и безопасности: истоки и перспективы. Материалы Республиканской научно-практической конференции / Отв. ред. Н.Э. Казиев. Махачкала: ДНЦ РАН, 2014. С. 341–348.

Бредникова, Чикадзе 1998 – Бредникова О., Чикадзе Е. Армяне Санкт-Петербурга: карьеры этничности // Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга / Под ред. В. Воронкова, И. Освальд. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 227–259.

Власова 2014 – Власова Т.А. Почему родители хотят, чтобы их дети учились в национальной школе? // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. XVIII. № 1. С. 158.

Денисова 2007 – Денисова Г.С. Конфликтотенность социокультурного пространства Ростовской области. Ростов-на-Дону: ПИ ЮФУ, 2007. С. 147–148.

Дзуцев 2003 – Дзуцев Х.В. Языковые престижи осетин в Северной Осетии // Социс. 2003. № 12. С. 134–138.

Калачева 1998 – Калачева О. Быть, оставаться, становиться: этническая идентичность петербургских эстонцев // Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга / Под ред. В. Воронкова, И. Освальд. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 136–174.

Ким 2003 – Ким Г. Об истории принудительно-добровольного забвения родного языка корейцами Казахстана // Диаспоры. 2003. № 1. С. 110–146.

Койше 2007 – Койше К.К. Влияние языковых факторов этнического самосознания на развитие культуры казахского населения в условиях диаспоры // Известия вузов. 2007. № 4. С. 73–77.

Колесов 1997 – Колесов В.И. Материалы по истории и этнографии греков урумов // Понтийские греки. 1997. № 5. С. 90–107.

Колесов 2000 – Колесов В.И. Черкесские (горские) греки // Бюллетень Центра содействия развитию и правам расовых этнических и лингвистических меньшинств. 2000. Сентябрь. № 2. С. 87–101.

Кузнецов 2000 – Кузнецов И.В. Турки-хемшилы или исламизированные армяне? (случай “неясной” этнической идентичности) // Диаспоры. 2000. № 1–2. С. 226–258.

- Курске* 2011 – *Курске В.С.* Множественная этническая идентичность: теоретические подходы и методология исследования (на примере российских немцев). Дис. ... канд. соц. наук. М., 2011.
- Кыласов* 2012 – *Кыласов А.В.* Теория этноспорта. М: Советский спорт, 2012.
- Лаво* 2009 – *Лаво Р.С.* Этнокультурная дисперсия ассирийцев в глобализирующемся мире. Дис. ... д.ф.н. Ставрополь, 2009.
- Мелконян* 2011 – *Мелконян Р.* Об актуальных проблемах черкесов Турции // Южнороссийское обозрение. 2011. № 69. С. 176–181.
- Панина* 2006 – *Панина Н.* Факторы национальной идентичности, толерантности, ксенофобии и антисемитизма в современной Украине // Вестник общественного мнения. 2006. № 1(81). С. 32.
- Снисаренко* 1999 – *Снисаренко А.* Этническое предпринимательство в большом городе современной России (на примере исследования азербайджанской общины в Петербурге) // Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М: Логос, 1999. С. 138–155.
- Суций, Квициани* 2009 – *Суций С.Я., Квициани Д.Д.* Диаспоры как фактор взаимoadaptации народов в полиэтнокультурном регионе (на материалах Юга России) // Научная мысль Кавказа. 2009. № 4. С. 15–20.
- Тер-Саркисянц* 2000 – *Тер-Саркисянц А.Е.* “Донские армяне”: тенденции этнокультурного развития // Диаспоры. 2000. № 1–2. С. 98–119.
- Тишков* 2001 – *Тишков В.А.* Этнология и политика. Научная публицистика. М.: Наука, 2001.
- Федорова* 2008 – *Федорова С.А.* Генетические портреты народов Республики Саха (Якутия): анализ линий митохондриальной ДНК и Y-хромосомы. Якутск: ЯНЦ СО РАН, 2008.
- Харатьян* 1984 – *Харатьян Г.С.* Черкесогаи. Историко-этнографическое исследование. Л: Наука, 1984.
- Чикадзе* 1998 – *Чикадзе Е.* Формирование общины российских поляков: пути конструирования этничности // Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга / Под ред. В. Воронкова, И. Освальд. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 175–226.
- Abreu, Rubinstein* 1988 – *Abreu D., Rubinstein A.* The Structure of Nash Equilibrium in Repeated Games with Finite Automata // *Econometrica*. 1988. Vol. 56. P. 1259–1282.
- Acheson* 1994 – *Anthropology and Institutional Economics* / Ed. J. Acheson. Lahram, ML: University Press of America, 1994.
- Alesina et al.* 1999 – *Alesina A., Baqir R., Easterly W.* Public Goods and Ethnic Divisions // *Quarterly Journal of Economics*. 1999. Vol. 114(4). P. 1243–1284.
- Alesina, Ferrara* 2005 – *Alesina A., La Ferrara E.* Ethnic Diversity and Economic Performance // *Journal of Economic Literature*. 2005. Vol. XLIII. P. 762–800.
- Al-Qura'n* 2009 – *Al-Qura'n S.* Ethnopharmacological Survey of Wild Medicinal Plants in Showbak, Jordan // *Journal of Ethnopharmacology*. 2009. Vol. 123. P. 45–50.
- Anglin, Whaley* 2006 – *Anglin D.M., Whaley A.L.* Racial/Ethnic Self-Labeling in Relation to Group Socialization and Identity in African-Descended Individuals // *Journal of Language and Social Psychology*. 2006. Vol. 25. P. 457–463.
- Atabaki* 1993 – *Atabaki T.* Azerbaijan: Ethnicity and Autonomy in Twentieth-century Iran. L.; N.Y.: British Academy Press, 1993.
- Bailey* 2005 – *Bailey B.* Emo Music and Youth Culture // *Encyclopedia of Contemporary Youth Culture* / Ed. P.D. Steinberg. Westport: Greenwood Press, 2005.
- Bates* 2000 – *Bates R.H.* Ethnicity and Development in Africa: a Reappraisal // *American Economic Review*. 2000. Vol. 90(2). P. 131–134.
- Berghe Van den* 1981 – *Berghe Van den P.L.* The Ethnic Phenomenon. N.Y.: Elsevier, 1981.
- Bogardus* 1926 – *Bogardus E.S.* Social Distance in the City // *Proceedings and Publications of the American Sociological Society*. 1926. Vol. 20. P. 40–46.
- Bourdieu, Wacquant* 1999 – *Boudieu P., Wacquant L.* On the Cunning of Imperialist Reason Theory // *Culture and Society*. 1999. Vol. 16(11). P. 41–58.
- Chimire, Bastakoni* 2009 – *Chimire K., Bastakoti R.R.* Ethnomedical Knowledge and Health-care Practices among the Therus of Nawalparasi District in Central Nepal // *Ecological Management*. 2009. Vol. 257. P. 2066–2072.
- Davis* 1981 – *Davis A.* Women, Race and Class. N.Y.: Random House, 1981.
- Devereux* 1968 – *Devereux G.* From Anxiety to Method in the Behavioral Sciences. The Hague: Mouton Press, 1968.

- Easterly* 2001 – *Easterly W.* Can Institutions Resolve Ethnic Conflict? // *Economic Development and Cultural Change*. 2001. Vol. 49(4). P. 687–706.
- Easterly, Levine* 1997 – *Easterly W., Levine R.* Africa's Growth Tragedy: Policies and Ethnic Divisions // *Quarterly Journal of Economics*. 1997. Vol. 112(4). P. 1203–1250.
- Eraser* 1992 – *Eraser A.* *The Gypsies*. L.: Blackwell, 1992.
- Gingrich* 2002 – *Gingrich A.* When Ethnic Majorities are Dethroned: Toward a Methodology of Self-reflexive, Controlled Macrocomparison // *Anthropology by Comparison* / Ed. A. Gingrich, R. Fox. L.: Routledge, 2002.
- Goodman* 1978 – *Goodman N.* *Ways of World-making*, Indianapolis: Hackett, 1978.
- González* 2010 – *González A.* *Afro-Mexico: Dancing between Myth and Reality*. Austin: University of Texas Press, 2010.
- Janssen et al.* 2010 – *Janssen M., Holchan R., Lee A., Ostrom E.* Lab Experiments for the Study of Social-Ecological Systems // *Science*. 2010. Vol. 328(5978). P. 613–617.
- Laitin* 1996 – *Laitin D.* Language and Nationalism in the Post-Soviet Republics // *Post-Soviet Affairs*. 1996. Vol. 12(1). P. 4–24.
- Laitin* 2006 – *Laitin D.D.* *Ethnography and/or Rational Choice* // *Qualitative Methods*. 2006. Vol. 1. P. 2–33.
- Landa* 1994 – *Landa J.* *Trust, Ethnicity, and Identity: Beyond the New Institutional Economics of Ethnic Trading Networks, Contract Law, and Gift – Exchange*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1994.
- Marrewijk* 1999 – *Marrewijk A. van.* *Ethnicity, Power and Cooperation in the Telecommunications Sector*. PhD Thesis, VU University Press, Amsterdam, 1999.
- Mauro* 1995 – *Mauro P.* Corruption and Growth // *The Quarterly Journal of Economics*. 1995. Vol. 110(3). P. 681–712.
- McCrum* 1992 – *McCrum R., Cran W., MacNeil R.* *The Story of English*. L.: Faber and Faber, 1992.
- Min* 2010 – *Min P.G.* *Preserving Ethnicity Through Religion in America: Korean Protestants and Indian Hindus Across Generations*. N.Y.: New York University Press, 2010.
- Montalvo, Reynal-Querol* 2005 – *Montalvo J.G., Reynal-Querol M.* Ethnic Polarization, Potential Conflict, and Civil Wars // *American Economic Review*. 2005. Vol. 95(3) P. 796–816.
- Ostrom* 2011 – *Ostrom E.* Background on the Institutional Analysis and Development Framework // *Policy Studies Journal*. 2011. Vol. 39(1). P. 7–27.
- Pedersen* 2011 – *Pedersen H.C.* Sport, Ethno-Politics and Sami Identity in Northern Norway: the Organizing of the Sami Sports Movement // *Scandinavian Sport Studies Forum*. 2011. Vol. II. P. 45–73.
- Rossamai* 2005 – *Rossamai A.* *Religion and Popular Culture*. Brussels: P.I.E. Peter Lang, 2005.
- Schank, Abelson* 1977 – *Schank R., Abelson R.* *Scripts, Plans, Goals and Understanding*. Hillsdale: Erlbaum, 1977.
- Smith* 2012 – *Smith J.M.* *Ethnic Identities, Social Spaces and Boundaries: Habitus and Fundamentalist Doxa among Second-Generation Chinese American Evangelicals* // *Polyphonic Anthropology: Theoretical and Empirical Cross-Cultural Fieldwork* / Ed. M. Canevacci. Rijeka: InTech, 2012. P. 188–202.
- Theuerkauf* 2012 – *Theuerkauf U.G.* *Ethno-Embedded Institutionalism: The Impact of Institutional Repertoires on Ethnic Violence*. PhD Thesis. L., 2012.
- Watson* 2007 – *Watson G.* Sport and Ethnicity in New Zealand // *History Compass*. 2007. Vol. 5/5. P. 780–801.
- Williamson* 1980 – *Williamson J.* *New People: Miscegenation and Mulattoes in the United States*. N.Y.: New York University Press, 1980.
- Yoder* 1987 – *Yoder E.S.* *The Beachy Amish Mennonite Fellowship Churches*. Hartville: Diatonia Ministries, 1987.

Article Summary***Etnograficheskoe obozrenie*, 2016, no. 3****M.Y. Barbashin. Institutsional'naia teoriia etnichnosti [An Institutional Theory of Ethnicity]**

Keywords: ethnicity, neo-institutionalism, ethnos, institutions, identity

Abstract: The article examines methodological aspects of applying institutional approaches in research on ethnicity. An institutional analysis, as the author points out, is instrumental in moving research from the level of studying the history of an ethnic group onto the level of exploring its structural development. The application of an institutional approach helps us to cast a new perspective on a variety of issues such as reproduction of ethnicity, ethnic conflict, subethnic groups, ethnic development, etc. The author argues that the study of ethnicity should be brought into the context of individual behavior within the institutional space of a group, and that ethnology should adopt an institutional theoretical stance in order to fully realize the methodological potential of neo-institutionalism.

Author: **Maksim Barbashin**, The Institute of Social-Economic Research and Humanities, Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russia); e-mail: barbm@yandex.ru

References

- Abdulaev E. Russkije Uzbekistana – gorodskoy subetnos: opyt sotsiokul'nurnogo analiza. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*, 2008, no. 5(11), pp. 206–214.
- Abreu D., Rubinstein A. The Structure of Nash Equilibrium in Repeated Games with Finite Automata. *Econometrica*, 1988, vol. 56, pp. 1259–1282.
- Acheson J. (ed.) *Anthropology and Institutional Economics*. Lahram, ML: University Press of America, 1994.
- Alesina A., La Ferrara E. Ethnic Diversity and Economic Performance. *Journal of Economic Literature*, 2005, vol. XLIII, pp. 762–800.
- Alesina A., Baqir R., Easterly W. Public Goods and Ethnic Divisions. *Quarterly Journal of Economics*, 1999, vol. 114(4), pp. 1243–1284.
- Al-Qura'n S. Ethnopharmacological Survey of Wild Medicinal Plants in Showbak, Jordan. *Journal of Ethnopharmacology*, 2009, vol. 123, pp. 45–50.
- Anglin D.M., Whaley A.L. Racial/Ethnic Self-Labeling in Relation to Group Socialization and Identity in African-Descended Individuals. *Journal of Language and Social Psychology*, 2006, vol. 25, pp. 457–463.
- Atabaki T. *Azerbaijan: Ethnicity and Autonomy in Twentieth-century Iran*. London; New York: British Academy Press, 1993.
- Bailey B. Emo Music and Youth Culture. *Encyclopedia of Contemporary Youth Culture*, ed. P.D. Steinberg, B. Richard. Westport: Greenwood Press, 2005.
- Barbashin M.Y. *Instituty i etnogenez: institutsionalnoe vosproizvodstvo etnicheskoy identichnosti v lokalnyh soobshchestvah*. Rostov-on-Don: IPO PI UFU, 2012.
- Barbashin M.Y. Sovremennyy etnogenez: metodologicheskie vozmozhnosti teorii institutsionalnogo raspada. *Sotsialno-gumanitarnye znaniya*, 2013, no. 7, pp. 48–56.
- Barbashin M.Y. *Instituty i etnogenez: institutsionalnoe vosproizvodstvo etnicheskoy identichnosti v lokalnyh soobshchestvah*. 3rd ed. Rostov-on-Don: UFU, 2014.
- Barbashin M.Y. Etnicheskaia identichnost' v sovremennom sotsiume: institutsional'nyj podhod k sotsiologicheskomu issledovaniyu. *Obshchedagestanskoe edinstvo kak faktor stabil'nosti i bezopasnosti: istoki i perspektivy*, ed. N.E. Kaziev. Makhachkala: DNTS RAN, 2014, pp. 341–348.
- Bates R.H. Ethnicity and Development in Africa: A Reappraisal. *American Economic Review*, 2000, vol. 90(2), pp. 131–34.
- Berghe Van den. P.L. *The Ethnic Phenomenon*. New York: Elsevier, 1981.

- Bogardus E.S. Social Distance in the City. *Proceedings and Publications of the American Sociological Society*, 1926, vol. 20, pp. 40–46.
- Bourdieu P., Wacquant L. On the Cunning of Imperialist Reason Theory. *Culture and Society*, 1999, vol. 16(11), pp. 41–58.
- Brednikova O., Chikadze E. Armiane Sankt-Peterburga: kariery etnichnosti. *Konstruirovaniye etnichnosti. Etnicheskie obshchiny Sankt-Peterburga*, ed. V. Voronkova, I. Osvald. St. Petersburg: Dmitriy Bulavin, 1998, pp. 227–259.
- Chikadze E. Formirovaniye obshchiny rossiyskikh poliakov: puti konstruirovaniia etnichnosti. *Konstruirovaniye etnichnosti. Etnicheskie obshchiny Sankt-Peterburga*, ed. V. Voronkova, I. Osvald. St. Petersburg: Dmitriy Bulavin, 1998, pp. 175–226.
- Chimire K., Bastakoti R.R. Ethnomedical Knowledge and Healthcare Practices among the Tharus of Nawalparasi District in Central Nepal. *Ecological Management*, 2009, vol. 257, pp. 2066–2072.
- Davis A. *Women, Race and Class*. New York: Random House, 1981.
- Denisova G.S. *Konfliktogennost' sotsiokul'turnogo prostranstva Rostovskoy oblasti*. Rostov-on-Don: PI UFU, 2007, pp. 147–148.
- Devereux G. *From Anxiety to Method in the Behavioral Sciences*. The Hague: Mouton Press, 1968.
- Dzutsev X.V. Yazykovye prestiji osetin v Severnoy Osetii. *Sotsis*, 2003, no. 12, pp. 134–138.
- Easterly W., Levine R. Africa's Growth Tragedy: Policies and Ethnic Divisions. *Quarterly Journal of Economics*, 1997, vol. 112(4), pp. 1203–1250.
- Easterly W. Can Institutions Resolve Ethnic Conflict? *Economic Development and Cultural Change*, 2001, vol. 49(4), pp. 687–706.
- Eraser A. *The Gypsies*. London: Blackwell, 1992.
- Fedorova S.A. *Geneticheskije portrety narodov Respubliki Saha (Yakutiia): analiz linij mitohondrial'noj DNK i Y-hromosomy*. Yakutsk: Izdatel'stvo YanTs SO RAN, 2008.
- Gingrich A. When Ethnic Majorities are Dethroned: Toward a Methodology of Self-Reflexive, Controlled Macrocomparison. *Anthropology by Comparison*, ed A. Gingrich, R. Fox. London: Routledge, 2002.
- Goodman N. *Ways of World-making*. Indianapolis: Hackett, 1978.
- González A. *Mexico: Dancing between Myth and Reality*. Austin: University of Texas Press, 2010.
- Haratyan G.S. *Chersogai. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie*. Leningrad: Nauka, 1984.
- Janssen M., Holchan R., Lee A., Ostrom E. Lab Experiments for the Study of Social-Ecological Systems. *Science*, 2010, vol. 328(5978), pp. 613–617.
- Kalacheva O. Byt', ostavat'sya, stanovit'sya: etnicheskaya identichnost' peterburgskikh estontsev. *Konstruirovaniye etnichnosti. Etnicheskie obshchiny Sankt-Peterburga*, ed. V. Voronkov, I. Osvald. St. Petersburg: Dmitri Bulavin, 1998, pp. 136–174.
- Kim G. Ob istorii prinuditel'no-dobrovol'nogo zabveniya rodnogo yazyka koreytsami Kazahstana. *Diaspory*, 2003, no. 1, pp. 110–146.
- Kolesov V.I. Materialy po istorii i etnografii grekov urumov. *Pontiyskie greki*, 1997, no. 5, pp. 90–107.
- Kolesov V.I. Cherkesskie (gorskie) greki. *Bulleten' Tsentra sodeystviya razvitiya i pravam rasovykh etnicheskikh i lingvisticheskikh menshstv*, 2000, September, no. 2, pp. 87–101.
- Koyshe K.K. Vliyanie yazykovykh faktorov etnicheskogo samosoznaniya na razvitie kul'tury kazahskogo naseleniya v usloviakh diaspory. *Izvestiya vuzov*, 2007, no. 4, pp. 73–77.
- Kurske V.S. *Mnojestvennaya etnicheskaya identichnost': teoreticheskie podhody i metodologiya issledovaniya (na primere rossiyskikh nemtsev)*. Dissertation Thesis. Moscow, 2011.
- Kuznetsov I.V. Turki-hemshily ili islamizirovannye armyane? *Diaspory*, 2000, no. 1–2, pp. 226–258.
- Kylasov A.V. *Afriya etnosporta*. Moscow: Sovetskii sport, 2012.
- Laitin D. Language and Nationalism in the Post-Soviet Republics. *Post-Soviet Affairs*, 1996, vol. 12(1), pp. 4–24.
- Laitin D.D. Ethnography and/or Rational Choice. *Qualitative Methods*, 2006, vol. 1, pp. 2–33.
- Landa J. *Trust, Ethnicity, and Identity: Beyond the New Institutional Economics of Ethnic Trading Networks, Contract Law, and Gift – Exchange*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1994.
- Lavo R.S. *Etnokul'turnaya dispersiya assiriystev v globaliziruyushchemsya mire*. Dissertation Thesis. Stavropol: SGU, 2009.

- Marrewijk A. van. *Ethnicity, Power and Cooperation in the Telecommunications Sector*. PhD Thesis, Amsterdam: VU University Press, 1999.
- Mauro P. Corruption and Growth. *The Quarterly Journal of Economics*, 1995, vol. 110(3), pp. 681–712.
- McCrum R., Cran W., MacNeil R. *The Story of English*. London: Faber and Faber, 1992.
- Melkonyan P. Ob aktualnykh problemakh cherkessov Turstii. *Yuzhnorossiiskoe obozrenie*, 2011, no. 69, pp. 176–181.
- Min P.G. *Preserving Ethnicity Through Religion in America: Korean Protestants and Indian Hindus Across Generations*. New York: NYU Press, 2010.
- Montalvo J.G., Reynal-Querol M. Ethnic Polarization, Potential Conflict, and Civil Wars. *American Economic Review*, 2005, vol. 95(3), pp. 796–816.
- Ostrom E. Background on the Institutional Analysis and Development Framework. *Policy Studies Journal*, 2011, vol. 39(1), pp. 7–27.
- Panina N. Faktor natsionalnoj identichnosti, tolerantnosti, ksenofobii i antisemitizma v sovremennoj Rossii. *Vestnik obshchestvennogo mneniia*, 2006, no. 1(81), p. 32.
- Pedersen H.C. Sport, Ethno-Politics and Sami Identity in Northern Norway: the Organizing of the Sami Sports Movement. *Scandinavian Sport Studies Forum*, 2011, vol. II, pp. 45–73.
- Rossamai A. *Religion and Popular Culture*, Brussels: P.I.E. Peter Lang, 2005.
- Schank R., Abelson R. *Scripts, Plans, Goals and Understanding*, Hillsdale: Erlbaum, 1977.
- Smith J.M. Ethnic Identities, Social Spaces and Boundaries: Habitus and Fundamentalist Doxa among Second-Generation Chinese American Evangelicals. *Polyphonic Anthropology: Theoretical and Empirical Cross-Cultural Fieldwork*, ed. M. Canevacci. Rijeka: InTech, 2012., pp. 188–202.
- Snisarenko A. Etnicheskoe predprinimatelstvo v bolshom gorode sovremennoj Rossii (na primere issledovaniya azerbajdjanskoy obshchiny v Peterburge). *Neformalnaia ekonomika. Rossiia i mir*, ed. T. Shanina, Moscow: Logos, 1999, pp. 138–155.
- Sushchiy S.Ya., Kvitsiani D.D. Diaspory kak faktor vzaimoadaptatsii narodov v polikulturnom regione (na materialah Uga Rossii). *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, 2009, no. 4, pp. 15–20.
- Ter-Sarkisants A.E. “Donskie armiane”: tendentsii etnokul’turnogo razvitiia. *Diaspory*, 2000, no. 1–2, pp. 98–199.
- Theuerkauf U.G. *Ethno-Embedded Institutionalism: The Impact of Institutional Repertoires on Ethnic Violence*. PhD Thesis. London, 2012.
- Tishkov V.A. *Etnologiya i politika. Nauchnaia publitsistika*. Moscow: Nauka, 2001.
- Vlasova T.A. Pochemu roditeli hotiat, chtoby ih deti uchilis’ v natsional’noj shkole? *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoi antropologii*, 2014, vol. XVIII, no. 1, p. 158.
- Watson G. Sport and Ethnicity in New Zealand. *History Compass*, 2007, vol. 5/5, pp. 780–801.
- Williamson J. *New People: Miscegenation and Mulattoes in the United States*. New York: NYU Press, 1980.
- Yoder E.S. *The Beachy Amish Mennonite Fellowship Churches*. Hartville: Diatonia Ministries, 1987.